

Беседа с архитектором Н. И. Исцеленовым — специалистом по церковной архитектуре

НИКОЛАЙ Иванович, можете ли вы нам рассказать, как обучаются архитектуре?

«Я поступил, в 1909 году, в Императорскую Академию Художеств, на архитектурный отдел. В это время началось увлечение Новгородской архитектурой в строительстве православных храмов. В России в этом стиле первым был построен Федоровский государев собор, повлиявший на другие архитектурные проекты. Естественно, что молодой офицер, только начинавший свою карьеру, сразу подпал под это увлечение, хотя оно еще не было господствующей модой среди моих современников: большинство учеников Академии того времени увлекалось скорее русским Ампиром.

В 1911 году я уже стал помощником архитектора по реставрации Ипатьевского монастыря в Костроме, где, в 1913 году, должно было праздноваться 300-летие дома Романовых. Таким образом, я сразу попал в сферу русской архитектуры. Ее своеобразие в том, что внутреннее украшение достигается исключительно живописью, а не архитектурными формами. Архитектор, следовательно, должен приготовить достаточное количество правильно расположенных стен, на которых будет размещена роспись и иконостас, которые, в их распределении, подчиняются довольно строгим каноническим правилам. Таким образом, начинающий архитектор должен был изу-

чить и внешние архитектурные формы, и приспособление их внутри храма к принципам и канонам иконописи.

Техническое обучение архитектуре той эпохи было совершенно иным чем теперь, как в России, так и в других странах. Русская Академия Художеств, во время Екатерины, была создана по образцу парижской — Ecole des Beaux Arts.

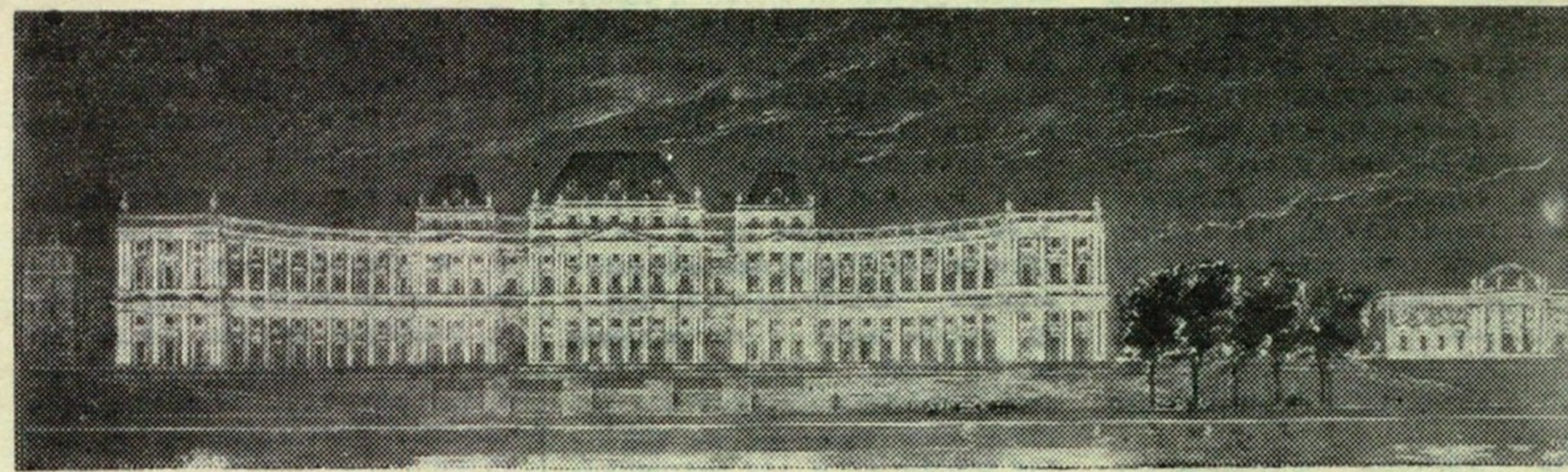
Даже в начале 20 века, техническое обучение — кроме знаний математики и расчетов, — заключалось в эстетике: изучали красоту античной архитектуры — колоннады, аркады... В наше время, архитекторы эстетикой античной архитектуры не занимаются. Кроме того, в России изучали Новгородскую архитектуру, которая имеет удивительное качество, благодаря своей крайней простоте, быть всегда современной».

— Как развивалась ваша карьера?

«Карьера — довольно жалкая, потому, что я, посвятив свою деятельность русской церковной архитектуре до революции, должен был покинуть Россию, а церковное строительство за границей нельзя назвать карьерой, а скорей неким мученичеством! Для зарабатывания средств на жизнь, приходится мне и по сей день участвовать в постройке гражданских зданий, даже небоскребов, как например — башня «Мэн-Монпарнас», где я оказываюсь достаточно знающим человеком,

чтобы разрешать некоторые сложные технические проблемы — эту деятельность нельзя назвать карьерой, так как она почти всегда безымянная.

Несмотря на трудные условия, мне, все-таки, удается порой по-

ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Проект архитектора Н. И. Исцеленова для здания, которое должно заменить вокзал Орсе, на берегу

Сены против Луврского дворца.

строить храм, как например, в Брюсселе. Этот храм — памяти погибшего государя — был построен в 1934 году и до сих пор продолжает украшаться. В данное время для него отливаются колокола, с заданием создать там настоящий русский звон».

— Работаете ли вы один или с помощниками?

«Мое главное произведение в церковной области — это Брюссельский храм. До того была по-

стройка храма Николая Чудотворца в Петербурге, в 1914 году. Этот храм, был подписан не мной, а архитектором Кричинским, потому что тогда я был слишком молод для того, чтобы быть ответственным за построй-

ку храма, но мой проект был лично одобрен государем. В самом начале моей деятельности, по моему проекту была построена плавающая церковь. Общество Трезвости, в 1914 году, заказало мне храм на корабле. Это должен был быть корабль, на котором стоял пятиглавый храм с колокольней, который должен был плавать по всем рекам Северной России и, причаливая к деревням, служить

там обедни. Вход в этот храм был позволен только трезвым людям, а нетрезвые должны были обещать не пить алкоголя в течение месяца! Передвигался он не собственным мотором, а всегда на буксире».

— Какие у Вас отношения с французскими архитекторами?

«Весьма дружеские, тем более, что мы хорошо друг друга понимаем, ибо Академия художеств в России была устроена по французскому образцу. Создавалась одинаковая психологическая атмосфера и меня сразу же приняли в свою среду, благодаря чему я всегда находил себе работу».

— Над чем вы сейчас работаете

или какие ваши ближайшие планы?

«Я сейчас только что вернулся из Брюсселя, где мне были заказаны колокола. Все русские знают выражение «малиновый звон» — оно происходит от колоколов из города Малина, которые привозились в Россию в 16 веке. Тогда город Малин славился литьем колоколов.

Очень быстро русские выучились лить колокола сами. В 1934 году, когда был построен Брюссельский храм, местное управление запретило колокола. Теперь подросшее новое поколение православных, хорошо устроенных, обратилось снова к коммуне, чтоб попросить разрешение повесить колокола — и получило не только разрешение, но и средства на их литье. Благодаря этим колоколам, очень эффектно освещаемым ночью, русская церковь стала туристической достопримечательностью города.

Самый большой колокол весит 1200 кг. Колокола подвешены прочно, они не качаются, а качается только язык. Система

звона совсем иная, чем на Западе.

Чтоб закончить, хочу сказать два слова об Обществе «Икона», в котором я состою председателем с 1936 года. Я познакомился с Обществом по приезду в Париж. Его тогда возглавлял В. П. Рябушинский. Общество создали такие знатоки русской иконы, как Муратов, Маковский, Шербаков. Но обстоятельства сами направили деятельность Общества не столько на изучение, сколько на производство икон и оно объединило не ученых, а иконописцев, работающих над украшением церквей, устроенных эмиграцией, в том числе и церкви, устроенной в круглой башне Монбелларовского замка. В этом замке родилась супруга императора Павла I, мать Александра I и Николая I — императрица Мария Феодоровна, и местные русские жители потребовали одну залу для устройства храма. Пришлось мне там делать иконостас в круглой комнате! Это была нелегкая и необычная задача».

М. Фицхелаурова